

МОНОЛОГИ ВИКТОРА КОРОТАЕВА

КАЖДАЯ НОВАЯ книга Виктора Коротаяева — действительно новая, в том смысле, что поэт не повторяет себя, автора предшествующих книг.

«Притяжение»* — книга лирических монологов. Традиционное представление о монологах связано с драмой: герой излагает цепь своих умозаключений по важнейшим общественным вопросам, высказывает историю своей страсти, размышляет о судьбах мира. «Притяжение» Виктора Коротаяева в этом плане вполне может быть названо стихотворной драмой современного человека — поэта, стоящего как бы в центре бытия и пропускающего через себя все заботы, беды, радости и огорчения современной жизни.

В самом деле, обратим внимание хотя бы на то, каковы стихи Виктора Коротаяева в своей чисто эмоциональной тональности. Они носят характер размышляющий или сосредоточенно созерцательный, полны элегической грусти или бесшабашной беззаботности, а то, смотришь, добродушны, лукавы, пронизаны молодым озорством, недерживаемой силой чувств, ищущих себе применения... А потом — усталость, почти безнадежность, тоска, сменяемые переходами к отчаянной радости, которая подчас горше тоски, к забубенной веселости («Э! Где наша ни пропадала!») и — счастливые озарения, когда на миг все-все становится ясным, и приходит тихое понимание всего сущего... А дойдет до любви, до самого близкого человека — и опять загадка, и вновь трудно, и опять начинать все сначала!

Читатель, привыкший читать стихи «по отдельности», одно за другим, может оказаться в странном положении человека, которого то сжимают крепкие объятия, то осыпает град попреков, а то вдруг ему возьмут и откроют как другу единственному самое заветное... Нелегко читателю с лирическим героем «Притяжения», если не понять с самого начала, что он живет: страстно, заинтересованно, равнодушно живет от дня ко дню, от года к году, от стихотворения к стихотворению. «Притяжение» — книга-дневник, книга-исповедь взволнованной души, мучающейся, плачущей, жаждущей радости, откровений, живущей ожиданием, «когда в меня ударит золотая молния строки».

Монолог направлен к слушателю. К кому обращены монологи Виктора Коротаяева — к читателю? Нет, не к нему, это было бы слишком нарочито, а одна из твердых заповсдей коротаяевского героя (он же автор, естественно) «Ведь мир хорош, пока не нарочит».

Его монологи обращены ко всему сущему, ко всему на свете без чего и помыслить себе нельзя современного человека, ибо весь он на «притяжении» к миру: к малой роди-

не — деревне и отечественным звездам родины великой, к друзьям юности и к самой юности, к прошлому и от лица прошлого («Молитва веков»), к деревенским старикам, к осени и другим временам года, пурге, женщинам, городским юнцам, новогодней елке, времени, будущему, природе, слову, к себе, «к дню рождения», сердцу, душе, одиночеству, врагам и недоброжелателям, земле, ребенку, ветру, миру, дорогам, лесам и водам, рыжику, который о старой кадучке блаженно вздыхает в тени, тучам, звездам, солнцу — России...

В стихах Виктора Коротаяева лирика и публицистика, пейзаж и рассказ о чем-либо не знают никаких жанровых границ, у него все слито воедино, в одно единое размышление, в одно единое чувство «притяжения» человека и жизни. И потому, наверное, не крикливы, не назойливы и не суетно-нарочиты его стихи.

Один из уроков поэта Виктора Коротаяева, может быть, главных уроков, — желание быть, а не казаться. Не здесь ли кроется источник его живого, прорывающегося на самых высоких нотах искренности драматического чувства, когда жестко самокритичен вдруг становится поэт к себе прошлому, когда казнит себя (да, так) за легковесность и поверхностность, за суету будней, которой вольно ли, невольно ли, поддавался он, за тщеславное желание казаться.

Наиболее полно и завершено эта драма искренних чувств и подмены их «игрой» дана в стихотворении «Мы прожили лучшую пору», таком грустном и таком вечном. Был подъем, когда «за легким, как дым, разговором», за срыванием васильков, за мечтами «постигнуть высоты и дали» проходили золотые деньки. За это время «в заветном открыты успели», бесстрашно смотрели вокруг, да вот беда — «нас не надолго хватило»...

Но главное наше несчастье—
Что светлой и ясной порой,
Недоброй покорные власти,
Отсутствие истинной страсти
Прикрыли мы скучной игрой.
И нынче с простудною дрожью
С холодной пустой высоты,
Ругая в душе бездорожье,
Спускаемся хмуро к подножью,
Не глядя уже на цветы...

О чем это — о поэзии, о любви, дружбе, о юности ли и зрелости? Да обо всем том, что касается каждого, и каждый проходит через это. Где-то не преодолел соблазн «казаться», где-то не сумели «быть», и вот... Люди не нашли себя.

Искать себя, как хлеба нищут!
Мечась и мучаясь, искать—
Как на ревущем пепелище
Детишек малых
Ищет мать.

В книге немало стихов о тех, кто кажутся, — стихов саркастических («Приезжие»), открыто обвиняющих («Снега заме-

* Виктор Коротаяев. Притяжение. Книга новых стихотворений. Северо-Западное книжное издательство, Вологод. отделение. 1976.

ли округу»), сожалеющих («Любуясь твоей красотой...»), но более всего — предупреждающих («Конец новогодней елки», «Юнцы», «Старая жалоба») и самокритических. Равнодушные потребители отпускных деревенских благ, столичные самоуверенные юнцы и самовлюбленные девицы, «дураковатый переросток», таскающий за вихры новогоднюю елку, и легкомысленная деревенская девчонка, у которой «на все приготовлен ответ», и красавица, что «не горя, не любя, в случайных объятиях» млеет, «развитые и разумные», с которыми не говоришь о «темных рубцах на коже» и у которых «ни за что на свете душа не болит...»

Общее у них одно: потребительское бездумие, неумение и нежелание отвечать за себя; все это люди (одни по неразумию, другие по неразвитости чувств, третьи из-за эстетической глухости, четвертые из-за административного восторга), лишённые «притяжения». То-то и драматично, что люди, о которых речь, не чувствуют себя обделёнными либо неполноценными, хотя они, по глубокому убеждению поэта, неосознанно несчастны.

Вот одна из современных драм, посвящённых взаимоотношениям человека и природы — тема привычная, давняя для Виктора Коротаяева. У него эти взаимоотношения многосложны, переменчивы. То человек, ожидающий от природы понимания и добра, сталкивается с ее своеволием; («От ветра хочешь ласки и тепла, а он на крыше дранку задирает»), то он внезапно («Быть может, оттого, что раньше мне чересчур легко спалось») и горестно видит плоды своего бездумного потребительства («Из собственной реки напиток пугаюсь — известно сказать»), то он черпает в ее стойкости уверенность и убежденность («Но жизнь моя, как тонкая рябина, под ветром хоть и гнется, а стоит»), то ему кажется, «что с ней бывают шутки плохи, и лучше ладить с ней добром» или что «земля не помнит зла, земля любовью дышит, и все не может нас тому же научить»...

Писавшие ранее о Викторе Коротаяеве неизменно отмечали реалистическую живописность его пейзажной лирики. И в новой книге не может не остановиться внимания такое, скажем: «Золотой корзиночкой лето проскрипит и скроется вот-вот» или: «И скоро от ветров расхожих, от хлесткой и жесткой воды потрескалась темная кожа и горечь связала плоды». Последние строки из «Баллады о дикой яблоне»:

У яблони вдовье терпенье,
Девичьи характер и стать,
Поэтому жутко паденье
Бывает ее наблюдать.
Она краснотерья не рада,
Она безразлична к судьбе,
Коль равнодушного взгляда
Не чувствует вдруг на себе.

В прежних стихах Виктора Коротаяева (как и в большинстве стихов других поэтов, много пишущих ныне на модную тему) человек находился в несложных и даже односторонних связях с природой: он ею любовался или пользовался ее благами,

как исстари повелось, не задумываясь, безоглядно. В нынешних же стихах, а в особенности в «Балладе», и человек, и природа выступают активно, поскольку они — едины суть. Строки, приведенные нами, об одичавшей, заброшенной человеком яблоне. А ведь было же, было другое...

А лето катилось за летом,
И пахарь светился лицом,
Когда нежно-розовым цветом
Ему присыпало крыльцо.
И яблоня тихая тоже,
Довершая родимой душе,
Непрязренной старости, может,
Поменьше боялась уже.

И вот вернулся человек к старой яблоне, «и было его возвращенье страшнее еще, чем побег», и вот он, «пропахший рублевым вином», худ и устал, тихо, будто под благословенье, встает под яблоню:

И вот они возле сарая,
Уже не скрывая печаль,
Глядят друг на друга,
Не зная,
Кто больше из них
Одичал...

Тут мне вспомнилась одна заметка Вл. Солоухина, в которой он передавал мысли деревенского жителя Василия Михайловича Жирыкова, бывшего бригадира колхоза, о телевидении. «Он сказал, что ни разу за все эти годы не видел передачи, после которой стало бы ему гордо оттого, что он живет в деревне, и радостно, что живет в деревне, и почувствовал бы свое преимущество сельского жителя (а преимуществ немало), и чтобы никогда не хотелось уезжать из деревни. Потому что телевизор, показывая современные танцы, песни, молодежные кафе, вообще обстановку современного города, косвенно агитирует за город против деревни. И в этом смысле пропаганда не ложной романтики, а реальных преимуществ села перед городом могла бы хоть немного уравнивать телепередачи» (Вл. Солоухин, «Слово живое и мертвое». Изд. «Современник», 1976, стр. 214).

А много ли мы знаем стихов о «реальных преимуществах села», не ложно идиллических и не «антигородских», а действительно напоенных чувством реальности? Приходится признать, что Виктор Коротаяев как раз тот поэт, который в стихах о блудном деревенском сыне и старой яблоне умеет не только передать это чувство реальности, действительного положения вещей, но и указать на причины одной из современных драм ухода от малой родины.

Нельзя сказать, что все в равной мере удается Виктору Коротаяеву в его лирических монологах. Лирический монолог требует мгновенного сопереживания; иначе он не монолог, а «глас вопиющего в пустыне». Сопереживание же возникает, искра возгорается в пламя сочувствия, если поэт говорит о вещах, одинаково интересных и себе, и читателю, если его чувство вместило людской и общественный опыт. И не дай бог, если в лирических монологах нарушится этическое равновесие и возобладает пресловутое «самовыражение» — безотносительно к интересу читателя.

Стихотворение «Отцвел анис на ближней горке» — о том, что после цветения и красоты наступает пора будничности. «Ни ясных дней, ни теплых ночек. Скучна земелюшка, скучна...» И вдруг: «Но для моих опорных точек как раз такая и нужна!». Какие-то «опорные точки» в задушевно начатом стихотворении... Но даже не в том дело, а скорее всего в превышении личности поэта перед «земелюшкой». Как суетливо и нескромно выскочил тут лирический герой! Как и в стихотворении «Живу еще так же расхоже», где поэт тревожится, «что слишком широко раздвинул границы свои», как и в стихотворении «Скорее несите меня, воронухи», где любовь предстает в жутковатом роковом ореоле:

За эту улыбку
И глаз этих просинь,
За ангельский этот овал

Я дом позабыл,
Я товарищей бросил
И друга с дороги убрал.

«Просинь» и «ангельский овал» — просто невыразительно, а все остальное в чрезвычайно невыгодном свете рисует лирического героя.

Любовные монологи Виктора Коротаяева уступают другим его, ясным и чистым, стихам. И ведь преимущественно в них, в любовных стихах, встречается однообразная навязчивость метафор: «хоромы своего благополучья», «каторга нагрывушей страды», «замкнутость стыда и униженья», «версты тоски и раздуки»...

В большинстве же своем лирические монологи Виктора Коротаяева достигают цели.

В. ХАРЧЕВ

ГЛАВНАЯ ТЕМА

В ЭТОЙ своей новой книге* старейший коми писатель Геннадий Федоров продолжает главную тему своего творчества — становление Советской власти в коми деревне, становление общественной морали нового, советского, человека в столкновении с частнобывшической, корыстной психологией кулака. В «Багульнике» конфликт этот разворачивается на фоне воссозданной писателем картины национального образа жизни коми (ведение хозяйства, исконные промыслы, мифология, северный пейзаж), обогащается он и композицией повести — социальная драма постепенно вырисовывается из личной, любовной драмы героини. Лиризм повествования (внутренний монолог Сандры) объединяет три эти темы во впечатляющую картину.

С Сандрой читатель знакомится в начале повести, она уже старушка, радующаяся жизни просто так, как таковой: «Как хороша ты, майбыр, жизнь!» А основное действие посвящено ее юной любви с Петрой, живую, трепетную память о котором героиня хранит и на седьмом десятке. Интересна фабула повести: при загадочных обстоятельствах, остающихся необъяснимыми до конца (на протяжении сорока с лишним лет), бесследно пропадает, уйдя на охоту в осеннюю парму, муж Сандры Петра. Следующая большая по материалу сцена поисков Сандрой мужа в тайге — художественно очень сильна. Здесь раскрывается глубина и сила чувства Сандры к мужу, всесторонняя приспособленность простой женщины-коми к жизни в лесу, духовная способность Сандры тонко воспринимать красоту пейзажа родной пармы... Доведя себя до состояния крайнего истощения, Сандра все-таки не находит Петру. И только вдруг, в глубине пому-

тившегося сознания, «услышанный» крик маленького сына Элекана возвращает ее к жизни, заставляет пойти обратно, добраться до дому.

Потеряв в двадцать с небольшим лет мужа, Сандра больше не думала о замужестве. Предлагал ей себя Габэ. С ним у Сандры старые счеты: в юности он ее сватал, да Петра опередил. Фигура Габэ, сначала эпизодическая в повести, постепенно прорисовывается точнее и полнее. Габэ, всю жизнь проживший бок о бок с Сандрой, (какой-никакой, а член колхозного коллектива), вдруг раскрывается как убийца Петры и инородное тело новой жизни. Ретроспекция в дозамужнюю жизнь Сандры объясняет, что Петра «перешел» дорогу Габэ не только в любви, уведя самую красивую девушку у самого богатого жениха. Петра сыграл известную роль и в обложении «твердым заданием» Габэ и его отца, не пожелавших «лежебокам» отдать свое добро. Затаил тогда на него злобу Габэ, хотя и виду, в отличие от отца, не подал. Таково прошлое.

Но и до сего дня нет взаимопонимания между Сандрой и Габэ: Сандра бескорыстно и самоотверженно трудилась всю жизнь для общего блага («Хорошая работа — вот и памятник тому, кто по совести работает. Я вот так понимаю»), Габэ считает, что «каждый живет для себя, у каждого есть своя жизнь... что толку от нашей жизни?» «Вот ты, Сандра... вон у тебя почетные грамоты висят, была ударницей, и все такое. Дожила до седины, день и ночь копалась в грязи, мозоли набивала, а что хорошего у тебя... Думаешь, тебе памятник поставят?»

Личная судьба Сандры вовлечена в общую судьбу ее поколения; действительно, нелегкий труд выпал на их долю: становление колхозов, послевоенная разруха, мужики не вернулись с фронта, все работы выполняли бабы... Но зато Сандра чув-

* Геннадий Федоров. Багульник. Повесть. Перевод с коми автора. «Советская Россия», Москва. 1977.